

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА

В статье впервые делается попытка анализа мер, предпринятых царем Алексеем Михайловичем в 60-х гг. XVII в. по пресечению движения несогласных с недавно проведенной церковной реформой. В результате исследования делается вывод, что сначала власть не придавала большого значения этому явлению и тем самым утратила возможность установления общественного согласия.

B. Krichevsky

ALEKSEY MIKHAILOVICH'S ACTIVITY ON THE CHURCH SPLIT SUPPRESSION

The article presents an attempt to analyse measures undertaken in the 1660s by the tsar Aleksey Mikhailovich in order to suppress the movements of objectors to the recent church reform. The author comes to the conclusion that at first the authority didn't pay much attention to this phenomenon and thereby lost an opportunity to establish the social consensus.

В отечественной историографии существует немало исследований, посвященных расколу, но практически во всех акцентировалось внимание собственно на исто-

рии начального этапа протестного движения, т. е. на формировании его идеологических основ и первых активных выступлениях. Поэтому имеет смысл специально

рассмотреть иной аспект этой проблемы, а именно политику власти по пресечению появившегося в русском обществе подобного рода движения.

Созывая Собор 1660 г., государь в своем вступительном слове упоминал о появлении несогласных с недавними церковными нововведениями¹. Но, пожалуй, впервые о расколе на официальном уровне было сказано в конце 1662 г. В указе царя Алексея Михайловича о созыве еще одного Собора, который должен был вернуться к вопросу об избрании нового патриарха, есть следующие обвинения Никона: «...а вдовстве ея нерадяшу, также и о несогласии церковного пения и о службе Божественные литургии и о иных церковных винах, которые учинилися при бытии ж патриаршества его, а потому действуютя и донныне, и от того ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местех и расколы...». В связи с этим царь Алексей Михайлович просит выяснить: «Книжного печатного двора у справщиков: сколько при патриархе Никоне было выходов книг печатных и каких, и одне книг выход с выходом во всем ли сходны были, и будет не сходны, в чем рознь и какая, и старые печатные и письменные и харатейные книги, из греческих присыльных книг переводы, с которых новые книги печатаны на печатном дворе ныне все ль есть...»².

Данное постановление фактически явилось признанием существующей оппозиции официальной линии церкви. Но ее появление власть, судя по всему, связывала с теми просчетами, которые ранее допустил Никон. Когда, спустя несколько дней после опубликования рассматриваемого указа, патриарх приехал в Москву и попытался увидеться с государем, тот через бояр передал, что ему «...ехать ныне непристойно, потому что в народе ныне молва многая о разнестве церковные службы и о печатных книгах и тем твоим нынешним к Москве приездом и по готову в народе чаять всякого соблазна...»³. То есть, по мнению царя Алексея Михайловича,

неумелые действия Никона в период церковных преобразований, а затем его самовольный уход с патриаршества спровоцировали подобные брожения. Тем не менее, в соборном деянии от 14 января 1665 г., посвященном рассмотрению условий, выдвинутых Никоном, при которых он даст согласие на избрание нового патриарха, говорится: «...держати все предания церковные и книги исправленыя с старых греческих книг...»⁴. Таким образом, несмотря на проявившиеся издержки реформы, государь не сомневался в ее необходимости.

Однако круг противников церковной реформы неуклонно расширялся. Представление о масштабах этого процесса мы можем получить из деяний Собора 1666–1667 гг. Узнав о приезде греческих патриархов, царь Алексей Михайлович дает распоряжение о присылке в Москву всех злостных раскольников для покаяния. Тем самым, в силу масштабности проблемы, государь уже ставит ее в один ряд с необходимостью урегулирования кризиса церковной власти.

Еще до заседаний Собора царь Алексей Михайлович предлагает церковным иерархам ответить на три вопроса, а именно: православны ли греческие патриархи, которые столь длительное время живут под игом иноверцев, правильны ли греческие богослужебные книги и правильно ли решение Собора 1654 г., с которого, собственно, и началась реформа Никона⁵.

Все эти вопросы наглядно показывают, с одной стороны, сомнение, которое существовало в среде священнослужителей, в правильности произошедших изменений, с другой – направление, по которому хотел вести русскую церковь государь. Признание греков православным эталоном не только делало возможным и даже необходимым их участие в суде над Никоном, но и утверждало правомерность предпринятых преобразований. Русские иерархи, в свою очередь, ответили на заданные вопросы в соответствии со стрем-

лениями государя⁶ и, следовательно, они могли быть допущены в качестве судей над теми, кто не хотел принимать недавних реформ.

29 апреля 1666 г. первое заседание Собора, как это было положено, началось с речи государя. В ней он сказал, что главная цель высокого собрания должна быть в «утолении мятежа церковнаго». Затем выступил новгородский митрополит Питирим, который от лица всего духовенства признал необходимость безотлагательного решения этой задачи⁷.

На следующих заседаниях Собора государь не присутствовал. В них принимали участие только духовные лица. На Собор по очереди начали вызывать известных раскольников. Задача попытаться переубедить некоторых священнослужителей, очевидно, была необходима еще в силу чрезвычайно активной пропагандистской деятельности приверженцев старой веры. Все они уже имели немалый круг последователей, и применение к ним репрессий могло дать лишь дополнительный импульс для развития протестных настроений. Потом нравы XVII в. уже не могли позволить власти применить тотальную чистку ко всем инакомыслящим.

Первым из приверженцев старой веры перед Собором предстал епископ вятский Александр, который покался, как сказано в «Деяниях», только после демонстрации канонических текстов и приведения богословских доводов. Далее на Соборе побывали: 26 марта – нижегородский старец Герман, 10 мая – суздальский священник Никита Добрынин, архимандрит муромского Спасского монастыря Антоний; 13 мая – игумен московского Златоустовского монастыря Феоктист, протопоп Аввакум, дьяк Благовещенского собора Феодор Иванов; 30 мая – нижегородский иеромонах Авраамий, старец Сергей Салтыков, нижегородский старец Ефим Потемкин, смоленский симоновский протопоп Серапион. Романо-Борисоглебский священник Лазарь и патриарший подьяк

Феодор, которые тоже должны были предстать перед Собором, в это время еще находились в ссылке, и их допросили несколько позже. Весь день 1 июля был отведен бывшему протопопу Ивану Неронову, а 12 июля ответ держали соловецкие иноки: старец Герасим Фирсов и бывший архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, келарь Никонор⁸.

Естественно, список священнослужителей, представших перед Собором, состоял из наиболее непримиримых противников реформы. Однако сам механизм отбора кандидатов, которые должны были публично принести покаяние, в силу отсутствия документов остается для нас не совсем ясным. Остается также вопрос, какими именно принципами царь Алексей Михайлович руководствовался, и в течение какого времени этот список формировал. Затрудняет также прояснение вышеобозначенной проблемы, что перечень священнослужителей, представших перед Собором, указанный в деяниях, явно не полон. Так, например, из документов, относящихся к Соловецкому монастырю, мы узнаем, что 31 мая принес покаяние инок Соловецкого монастыря Игнатий⁹, 13 июля – настоятель того же монастыря Варфоломей¹⁰.

Поэтому можно лишь предполагать, на основе какой информации был составлен данный перечень. Видимо, он состоял прежде всего из тех несогласных с церковными новшествами, которых отправил в ссылку еще патриарх Никон, и которые с тех пор не отреклись от своих убеждений. Далее Москва постоянно получала доносы о тех, кто не хотел служить по новым книгам. Особое внимание власти наверняка также привлекли именно те личности, которые писали и распространяли произведения антиреформаторской направленности. Уже имели широкое хождение челобитная Никиты Добрынина¹¹ и трактат Герасима Фирсова «О сложении перстов крестного знамения»¹².

В этом отношении дознавателям, несомненно, помогло изъятие обширного собрания рукописных книг игумена Феоктиста. Н. Ю. Бубнов, реконструировавший по описи данного архива вопросы, затрагивавшиеся в этих не дошедших до нас произведениях, показал, насколько уже тогда были обширны и многообразны по содержанию сочинения приверженцев старой веры. В них присутствовал и отклик на все значимые события церковной жизни последних лет, и были сформулированы основные причины идеологических расхождений с официальной церковью¹³.

Перед тем как раскольники предстали перед Собором, их тщательно и не по одному разу расспрашивали, причем, как видно из некоторых дошедших до нас показаний, в задачи следователей входило не только определение степени готовности принести публичное покаяние в своих заблуждениях, но и выявление новых сведений о раскольническом движении. Так, из допроса дьякона Феодора Иванова в декабре 1665 г. мы узнаем, что власть также интересовало, кого он еще знает и с кем связан из своих единомышленников¹⁴. Некоторое время спустя Феодор в пылу полемики с Собором указал на старца Серапиона как сомневающегося в православности греческих обрядов¹⁵, которого незамедлительно призвали к ответу¹⁶.

Однако информированность власти еще не означала готовность ее к немедленному принятию мер по пресечению брожений среди духовенства. По справедливому наблюдению И. Я. Сырцова, хотя правительству был известен отказ Соловецкого монастыря служить по новому служебнику, оно вплоть до конца 1665 г. не предпринимало никаких мер по призванию монахов к порядку¹⁷. Действительно, воевода Баскаков уже весной 1659 г. отправил сообщение в Москву, что старцы монастыря открыто выразили свое несогласие с политикой официальной церкви¹⁸. Тем не менее, в августе 1664 г. братия монастыря даже удостоилась похвальной грамоты госуда-

ря за присылку денег на содержание армии¹⁹. А в августе 1666 г., когда уже шел суд над раскольниками, царь Алексей Михайлович выделяет землю в Ярославле для постройки там Соловецкого подворья²⁰.

Судя по всему, власть по-настоящему осознала, что на протяжении 1660-х гг. в Соловецком монастыре шла непрерывная борьба между различными группами монахов только из поданной во время Собора челобитной группы соловецких иноков на собственного архимандрита Варфоломея²¹, а также ответа самого Варфоломея, где он подробно перечисляет прегрешения своих недоброжелателей²². Причем противостояние в монастыре заключалось не только в разном отношении к никоновской реформе. Это была еще борьба за власть, отстаивание права автономности по отношению к Новгородской митрополии и, следовательно, нежелание делиться с ней своими доходами. Кроме того, как видно из обнародованных взаимообвинений, нравы братии были весьма далеки от канонов иноческой жизни. Воровство, рукоприкладство, пьянство, табакокурение и даже блуд не были редкостью в монастырской жизни.

Видимо, данная информация заставила государя 14 августа 1666 г. отправить архимандрита Сергия в Соловецкий монастырь для проведения расследования²³. Однако, как явствует из дальнейших событий, из-за противодействия соловецких монахов Сергий не смог выполнить наказ государя, что вскоре привело к открытому противостоянию между монастырем и столицей.

Допрошенный в конце 1666 г., вызванный в Москву из того же Соловецкого монастыря дьякон Сильвестр свидетельствовал уже о хождении среди монахов слухов, что Никон является земным воплощением антихриста²⁴. Многие из иноков непосредственно виделись с Никоном, когда он в 1652 г. еще в статусе митрополита Новгородского приезжал на остров для перенесения в Москву мощей Филиппа. Но за этот не столь большой отрезок времени в

сознании монахов бывший патриарх превратился из реального человека в мифологический персонаж.

При уже упоминавшемся допросе дьякон Феодор также уже непосредственно связывал Никона с антихристом²⁵. Антихристом виделся Никон и подьякону Феодору. Доказательству данного утверждения он посвящает немало места в своем произведении под названием «Роспись в кратце, чем Никон патриарх с товарищи на царскую державу возгордились его царский чин, и власть, и обдержавие себе похищают»²⁶. Тем самым к Собору 1666 г. в среде раскольников бытовало устойчивое представление о Никоне как посланце дьявола для уничтожения последнего оплота истинной веры. Отсюда — борьба, начавшаяся как протест против не слишком удачной реформы, в представлении наиболее радикально настроенных приобрела совершенно иной масштаб и смысл. Осознав себя единственными носителями православия, сторонники старых обрядов выпали из общественной иерархической структуры, и поэтому никто для них уже не являлся авторитетом, даже сам государь.

Помимо этого, приверженцы старой веры смогли выработать определенную идеологию, которая оказалась привлекательной для различных слоев населения, имевших протестные настроения. Данному процессу, кроме всего прочего, способствовала сама власть, которая в течение всех 1660-х гг. высылала всех несогласных с церковными реформами священнослужителей в дальние монастыри для покаяния. Причем ссыльных монахов не изолировали от других, и они свободно могли проповедовать свои воззрения. В результате царь Алексей Михайлович столкнулся с новой проблемой, которую невозможно было решить лишь методами прямого административного давления, широко используемого в ходе Собора. И думается, что власть до его созыва в полной мере не осознавала серьезность и масштабы возникшего протестного движения.

Государь уделял большое внимание организации доставки в Москву раскольников. Важно было не только найти неблагонадежного священнослужителя, но и благополучно его довести до столицы. Например, в наказе архимандриту Новоспасского монастыря Иосифу, сопровождавшему Феоктиста, сказано: «...держать велеть бережно и дорогою к Москве весть связана»²⁷. Царь Алексей Михайлович уже имел дело с многочисленными побегими раскольников из-под стражи и не хотел, чтобы это повторилось. Еще ранее, как выясняется из записки пустозерского воеводы Василия Дикого, государь, уже столкнувшись с агитаторскими талантами староверов, приказывал сторожившим священника Лазаря и подьяка Феодора «...никаких смутных речей у них не слушать...»²⁸.

После того как раскольники предстали на Соборе, их под пристальным присмотром отправляли в близлежащие к Москве монастыри. Неронову, находящемуся в Иосифо-Волоколамском монастыре, даже не разрешалось ходить со всеми на богослужение, дабы он «...нигде людей не учил, и не благословлял...»²⁹. А Игумена Феоктиста отправили в Николаевский Песношский монастырь и «...велели держать под крепким началом... и с монастыря ево спущать никуда не велели»³⁰. Но даже после покаяния, как видно из государева указа, его привезли в Москву для новой серии допросов³¹. Это показывает, что уже тогда у властей возникли подозрения в искренности покаяний некоторых раскольников.

Еще более жесткое предписание было получено в отношении не изменившего своим взглядам Аввакума. В указе игумену Пафнутьевского монастыря Парфению мы читаем: «...ево беречь накрепко с великим опасением чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать и никого к нему пускати не велеть, а корму давать как и прочим колодником»³².

13 мая непокорный Аввакум и его подвизник Феодор Иванов были лишены сана

священнослужителя и отправлены в заточение в Николо-Угрешский монастырь в ожидании приезда греческих патриархов. Не покаяться также допрошенные в июле подьяк Феодор Трофимов и в ноябре священник Лазарь³³. Все из перечисленных, за исключением Феодора Иванова, который в августе все же принес покаяние³⁴, были схвачены и отбывали ссылку еще с начала 1660-х гг., а значит, они уже тогда привлекли внимание власти как непримиримые противники церковных преобразований. В дальнейшем греческие патриархи также не смогли поколебать их веру в собственную правоту.

Аввакум в своем «Житие» пишет, что все это время государь не оставлял попыток уговорить раскольников покориться. Особенно это касалось самого протопопа. Еще в 1664 г. царь Алексей Михайлович вернул его из Сибири и попытался с ним примириться: «Он же [царь] вдохнул и иное говорил кое-што. И велел меня поставить в Кремле на монастырском подворье... В ыную пору милянкой и шапку уронил, поклоняся со мною»³⁵. Однако Аввакум был по-прежнему непоколебим в своих убеждениях, и его отправили в новую ссылку в Мезень.

Далее, как сообщает Аввакум, после того, как его остригли, боярин Дементий Башмаков передал ему от государя следу-

ющие слова: «...не бойся ты никою, надейся на меня». А потом якобы государь сам ездил в Николо-Угрешский монастырь, где содержался Аввакум, и «...приходил и, посмотря около палатки, вздыхая, а ко мне не вошел...»³⁶.

Конечно, Аввакум мог несколько преувеличить свою значимость, но, несомненно, отношение к нему государя было особое. Об этом говорит и то, что он единственный из непринесших покаяние не был подвергнут казни. Остальным вырвали язык и отсекли правую кисть руки. Видимо, светлые воспоминания об обществе Стефана Вонифатьева, к которому принадлежал и Аввакум, заставили царя Алексея Михайловича смягчить наказание. Он был лишь вместе со своими соратниками отправлен на Печору в Пустозерский острог³⁷.

Таким образом, именно при проведении Большого Собора начался принципиально новый этап в раскольническом движении. Власть своими действиями, конечно, сумела убедить многих несогласных с осуществленными реформами, но в то же время своими действиями радикализовала непримиримую часть этого движения. Аввакум и его окружение окончательно убедились, что проведенные преобразования не будут отменены и осознанно выбрали путь страдания за веру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание архива «Дело о патриархе Никоне» // Патриарх Никон. Труды. — М., 2004. — С. 1050.

² Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. — СПб., 1882. — Т. 1. — С. 242–244.

³ Там же. С. 256.

⁴ Дело о патриархе Никоне. — СПб., 1897. — № 43.

⁵ Материалы для истории раскола за первое время его существования. — М., 1876. — Т. 2. — С. 63–64.

⁶ Там же. С. 65–67.

⁷ Там же. С. 172.

⁸ Там же. С. 5–20, 81–118.

⁹ Там же. М., 1878. Т. 3. С. 106–107.

¹⁰ Там же. С. 110–113.

¹¹ Там же. М., 1878. Т. 4. С. 1–178.

- ¹² *Никольский Н. К.* Сочинения соловецкого инокa Гeрасима Фирсова. – СПб., 1916. – С. 145–196.
- ¹³ Материалы... – М., 1875. – Т. 1. – С. 323–339; *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга во второй половине XVII в. – СПб., 1995. – С. 50–60.
- ¹⁴ Материалы... Т. 1. С. 400–406.
- ¹⁵ Там же. С. 410–411.
- ¹⁶ Там же. С. 427–428.
- ¹⁷ *Сырцов И. Я.* Возмущение соловецких монахов-старообрядцев XVII века. – Кострома, 1888. – С. 77.
- ¹⁸ *Легатов И.* Грамоты патриарха Никона в Крестный монастырь // Архангельские епархиальные ведомости. – 1907. – № 17. – С. 583–585.
- ¹⁹ Акты, собранные в библиотеках и в архивах Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук. – Т. 4. – СПб., 1836. – № 149.
- ²⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 4. – СПб., 1842. – № 189.
- ²¹ Материалы... Т. 3. С. 47–66.
- ²² Там же. С. 81–100.
- ²³ Там же. С. 122–125.
- ²⁴ *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. – Новосибирск, 1998. Приложение: Реконструкция дела Сильвестра. – С. 169–191.
- ²⁵ Материалы... Т. 1. С. 413.
- ²⁶ Там же. Т. 4. С. 285–298.
- ²⁷ Там же. Т. 1. С. 322.
- ²⁸ Там же. С. 434.
- ²⁹ Там же. С. 221.
- ³⁰ Там же. С. 352–353.
- ³¹ Там же. С. 354.
- ³² Там же. С. 372.
- ³³ Там же. Т. 2. С. 81–82, 111–114.
- ³⁴ Там же. Т. 1. С. 419–420.
- ³⁵ Русская историческая библиотека. Т. 39. Л. 1927. С. 194.
- ³⁶ Там же. С. 199.
- ³⁷ Там же. С. 210.